

Затем: «Подмигнул мне давеча Порфирий аль нет? Верно, вздор; для чего бы подмигивать? Нервы, что ль, хотят мои раздражить али дразнят меня? Или всё мираж, или *знают!*.. <...> Знают ли про квартиру-то? <...> Когда я сказал, что квартиру нанять вчера убежал, он (Порфирий. — В. В.) пропустил, не поднял... А я ловко про квартиру ввернул: потом пригодится!.. В бреду, дескать! <...> Знают ли про квартиру-то? Не уйду, не узнав!» (6, 196). Но Раскольникову ничего не удается узнать. Сбив преступника с толку, Порфирий с самого начала овладевает разговором и уверенно ведет допрос в нужном ему направлении. Он ясно, даже с некоторым нажимом дает Раскольникову понять, что подозревает его в убийстве.

Однако о появлении Раскольникова в старухиной квартире накануне вечером, о его словах и расспросах, как следует из сопоставления разных мотивов (о них далее мы скажем), Порфирий знал. Единственной неожиданностью был для него приезд к Раскольникову родных: «— А к вам матушка приехала? — осведомился для чего-то Порфирий Петрович.

— Да.

— Когда же это-с?

— Вчера вечером.

Порфирий помолчал, как бы соображая» (6, 193). Он соображал, в какой момент среди известных ему обстоятельств минувшего вечера это случилось. «Он про весь вечер вчерашний знает! — думает Раскольников. — Про приезд матери не знал!..» (6, 196). Вот почему Порфирий и заинтересовался только этим приездом и «пропустил, не поднял» слова Раскольникова о «найме» квартиры. Следовательно собирался воспользоваться этим капитальным фактом («этаким-то драгоценностью», как говорит он позднее, — 6, 267) тогда и так, когда и как ему это будет нужно, сохранив за своими словами и действиями в дальнейшем эффект неожиданности, чтобы застать преступника врасплох, не дать ему внутренне собраться и подготовиться. Ведь сосредоточенное внимание, вызванное ожиданием, делает человека и более проницательным, и более неуязвимым.

Это потом объясняет Раскольникову сам Порфирий: «Жду-с! Жду вас изо всех сил <...> жду я вас, смотрю, а вас Бог и дает — идете! Так у меня и стукнуло сердце. Эх! Ну зачем вам было тогда приходить (речь идет о сцене знакомства, когда Раскольников вошел к Порфирию с наигранным смехом. — В. В.)? Смех-то, смех-то ваш, как вошли тогда, помните, ведь вот точно сквозь стекло я вас угадал, а не жди я вас таким особенным образом, и в смехе вашем ничего бы не заметил. Вот оно что значит в настроении-то быть» (6, 346).

Поскольку Раскольников, в отличие от Порфирия, никакого особенного настроения у следователя не ожидал, он в свое время и не заметил странных слов, сказанных Порфирием по поводу этого смеха: «Помилуйте, очень приятно-с, да и приятно вы так вошли...» (6, 191).

Если бы Раскольников заметил недоверие Порфирия к устроенному им спектаклю, он, возможно, не сомневался бы, подмигнул ему следователь или нет. Ведь это подмигивание означало, что Порфирий разглядел его игру и, со своей стороны, приготовился и подыгрывать, и играть сам.

Для следователя хитрость Раскольникова была лишней уликой: невиновному человеку незачем было бы хитрить.

Порфирий не поверил и словам Разумихина (с подачи Раскольникова. См.: 6, 173—174, 188—189) о том, что его друг накануне вечером «куролесил где-то чуть не до полночи <...> в совершеннейшем <...> бреду»; он выслушал их с подчеркнутой иронией: «И неужели в *совершеннейшем бреду*? Скажите, пожалуйста!» (6, 194).

Еще менее Порфирий поверил тому, что Раскольников (на чем он вдруг начал настаивать, решив, по-видимому, что ни один безумец не признает своего безумия) «совсем здоров» и в полном рассудке (6, 194). И впрямь: квартиру не ходят нани-